

РАЗБОЙНИК И МИШКА

(Рассказ сержанта)

Шла битва за Сталинград.

Наша транспортная рота находилась на левобережье в блиндажах, вырытых на склоне оврага.

Местность там степная, голая — ни лесочка, ни кусточка.

Старший повозочный ефрейтор Нестеров вёз боеприпасы к берегу реки, на баржу, как вдруг налетел «юнкере» и сразил обоих его коней. Жаль было лошадей, но горевать в бою некогда — надо доставать замену. В это время из колхоза «Победа», Эльтонского района, привели партию верблюдов — подарок фронту. Председатель колхоза Воробьёв сказал командиру дивизии генерал-майору Родионову:

— Гоните вы этих коршунов от Волги-матушки поскорее. А мы уж вас всем обеспечим, чем надо...

Живые подарки распределили по полкам. Но командир транспортной роты гвардии лейтенант Саблин был такой страстный конник, что, кроме лошадей, ничего не признавал. Поэтому-то, когда он увидел двух верблюдов, приведённых Нестеровым, рассердился на старшего повозочного:

— Ну к чему, Матвей Иванович, ты этих жирафов приволок в нашу конную роту? Куда они годятся? Ни подковать, ни замаскировать... Гляди, какая мишень: при первом же огневом налёте скосит их осколками. И роту демаскировать будут. Да и климат им на Западе неподходящий будет...

А старый служака своё докладывал командиру роты:

— Товарищ гвардии лейтенант, лошадей-то у нас нехватка, да и те ослабли, а груза надо подвозить много. Дороги-то видите, как дождями раз-

везло, машины грузнут. А эти вездеходы не затормозят и не забуксуют. И овса им не надо. Было бы только соломки вдоволь или бурьяну да соли. Я на них с малолетства работал, знаю. А насчёт маскировки не беспокойтесь: я научу их, как вести себя на фронте...

Приведённые Нестеровым верблюды были разные: один одногорбый, тонкий и высокий, упрямый и злой, а другой — двугорбый, пониже ростом и поплотнее сложен, спокойный и послушный. И шерсть у них разная была: у дромадёра грязно-песочного цвета, реденькая и короткая, а у двугорбого — буроватая, густая и кудрявая.

Первого Нестеров окрестил Разбойником, а второго Мишкой. Запряг их Нестеров в парную повозку, сделал один рейс и докладывает командиру роты: всё, дескать, в порядке — и груза привёз целую тонну, и вовремя уложился. Тогда командир роты вечером, в сумерках, выстроил наш взвод в овраге перед блиндажами, скомандовал Нестерову четыре шага вперёд перед строем и сказал торжественно так:

— Товарищ гвардии ефрейтор, вручаю вам двух тяжеловозов.

И передаёт ему поводья. А верблюды тут же, за спиной лейтенанта, стоят и спокойно смотрят на людей, будто всё это их совсем и не касается.

Передал лейтенант Нестерову верблюдов и говорит дальше:

— Работайте на верблюдах и берегите их, как ценное народное достояние. Только научите их военному делу, а то ведь они допризывную подготовку не проходили...

Кончил серьёзно говорить, а в глазах улыбка. Улыбаемся и мы.

Принял Нестеров верблюдов и сказал командиру роты своё солдатское слово:

— Всё будет в порядке, товарищ гвардии лейтенант! Не подведу роту.

И взялся Нестеров за военное обучение верблюдов. Толковый, опытный был мужик, из-под Уральска. Старый, а ещё крепкий. Председателем колхоза работал. У него три сына были на фронте, и сам добровольцем пошёл. Спокойный, работающий. За это его в роте все уважали. Командир роты его даже по имени-отчеству называл, а мы в шутку величали Бородачом.

Первым делом Нестеров стал приучать своих верблюдов ложиться по команде. Послушный Мишка очень скоро понял команду и ложился, а Разбойник или не понимал команды, или просто не хотел её выполнять. При налётах авиации он страшно пугался, дрожал и рвался куда-то бежать. А когда Нестеров хватал его за повод и дёргал вниз, понукая лечь, Разбойник артачился, хрипло кричал и отплёвывался жидкой зелёной жвачкой.

Как-то мы посоветовали Нестерову:

— Чего ты с ним нянчишься? Попотчевал бы его кнутом хорошенько; глядишь, и послушнее был бы.

А Нестеров на это спокойно ответил:

— Нет, товарищи, на кнуте далеко не уедешь. Хуже будет. Я уж знаю.

И стал прикармливать непослушного Разбойника хлебом с солью. Соль-то верблюды любят больше всего — жить без неё не могут. Положит Нестеров кусочек хлеба на землю, посыплет его густо солью и приговаривает: «Ложись... ложись». А так хватать не даёт. Чтобы воспользоваться вкусным угощением, непокорный верблюд вынужден был ложиться на землю. Но этого ещё мало. Ведь когда верблюд ляжет, то здоровенная его голова на длинной, изогнутой шее высоко торчит над землёй — хорошая мишень для осколков. Матвей Иванович стал приучать верблюдов вытягивать по земле шею. Послушный Мишка охотно это проделывал, полу-

чая в награду хлеб с солью. А Разбойник тоже ляжет, вытянет шею по земле, схватит лакомый кусочек и опять задирает голову кверху. Глаза злые, уши маленькие, нижняя губа отвисла ложечкой, а верхняя над ней нависла. По одним губам видно было, что капризный. Уж на что терпелив был Матвей Иванович, но и тот иногда не выдерживал и ругался:

— У-у, чертяка противный! погоди вот, дьявол, трахнут тебя враги по непослушной башке, тогда припомнишь, чему я тебя, дурака, учил...

Глядя на старания Нестерова в дрессировке верблюдов, мы шутили:

— У-у, чертяка противный! погоди вот, дьявол, трахнут тебя враги по непослушной башке, тогда припомнишь, чему я тебя, дурака, учил...

Глядя на старания Нестерова в дрессировке верблюдов, мы шутили:

— Вот, Матвей Иваныч, как война кончится, в цирк с ними пойдёшь. На старости лет кусок хлеба. И народ потешать будешь, и денег много заработаешь.

А Нестеров серьёзно нам отвечал:

— Не понимаете вы этой скотины — вот и смеётесь. Я в свой колхоз взял бы их за хорошие деньги. Вы ещё увидите, на что они способны...

Сначала Нестеров возил грузы с ДОПа до полкового тыла, а на передовую его не пускали. Но когда командир роты увидел, как верблюды работают и слушаются своего хозяина, доверил Нестерову возить боеприпасы на огневые позиции полковых батарей.

— Вот вам и жирафы! — говорил командир роты. — Надо было к ним только умелые руки приложить — и смотрите, какая это полезная скотина на фронте. Пожалуй, придётся одному взводу целиком на верблюжьих упряжках перейти. А тебя туда, Матвей Иваныч, старшим инструктором, что ли, назначить?

От этих слов Нестеров повеселел. Каждому ведь приятно среди товарищей примерным быть.

Повёз Нестеров снаряды на огневые позиции батарей и с первого же раза попал под артиллерийский налёт. «Ложись!» — крикнул Нестеров и прыгнул в щель. Оба верблюда шлёпнулись по команде на землю. Мишка вытянул по земле шею, а Разбойник задрал голову кверху и крутит ею во все стороны: не то выбирает направление, куда бы стрекача дать, не то высматривает врага, чтоб оплевать его жвачкой. Снаряды сначала свистели и ложились далеко от батареи — то недалёт, то перелет, — а то вдруг снаряд прошуршал совсем близко и... тр-рах по батарее!

Разбойник испуганно взревел, вскочил на ноги, рванулся в сторону и, оборвав построики, помчался по степи куда глаза глядят. От страха ввалился в овраг, там его Нестеров и нашёл потом. Верблюд лежал и тяжело дышал, обессиленный, мокрый от пота, в крови. Два осколка поразили его: один пронзил холку, а другой в затылке застрял.

Пришлось раненого Разбойника эвакуировать в ветлазарет, где ему сделали операцию и удалили из головы осколок.

Через три недели Разбойника вернули в строй, и он опять стал таскать грузы, но переменился как-то... Не знаю только отчего: то ли тяжёлое ранение запомнилось, то ли покорило терпеливое упрямство Нестерова. Своенравный верблюд стал послушнее: при обстреле быстро ложился и струной вытягивал по земле длинную шею. Только вздрагивал и стонал — видно, всё-таки боялся.

Зимой, когда наши войска уничтожали окружённого врага, снарядов потребовалось очень много, а дороги так завалило снегом, что машины застревали. Даже в пароконной упряжке трудно было ездить: дороги узкие, а чуть в сторону — снег по брюхо лошади. Все обозы пришлось перевес-

ти на одноконную упряжь, и многие части завели себе верблюжьи транспортные роты, которые перевозили много боеприпасов. И у нас сформировали один взвод на верблюдах, а старшим в нём поставили Нестерова.

Лошадям тогда туговато пришлось: из кормов одна солома была, а работа тяжёлая. Истощение началось и падёж... А верблюды ничего — всё выносили.

Нестеров придумал возить живыми тягачами санный поезд: связал по трое саней за каждым верблюдом. Один взвод за три взвода грузы возил. За выполнение такого боевого дела Нестерова в сержанты произвели и наградили медалью «За боевые заслуги». А командир роты, старший лейтенант Саблин, назвал его фронтовым ударником. Все мы поздравляли его.

Но после битвы на Волге опять перешли на коней и всех верблюдов вернули из частей в колхозы; колхозам надо было с весны хлеб сеять — тягла у них совсем мало осталось.

А Нестеров со своей парой верблюдов не мог расстаться.

Мы шли на запад, и эти степняки легко переносили новый для них климат.

Нестеров берёт их от огня противника, но на войне ведь всякие неожиданности бывают...

В январе сорок пятого года наши войска гнали гитлеровскую армию от Вислы к Одру. Остатки разбитых частей скрывались в лесах. Наши войска так быстро продвигались вперёд, преследуя противника, что даже обозы на конной тяге не успевали за пехотой и отрывались от своих частей. Да и пехота не шагала пешком, а двигалась на машинах и трофейных лошадях.

Зима на Западе какая-то скучная, мокрая: то выпадет снег, а то, глядишь, через два дня растает. Нестеров как-то сказал:

— Вот кислятина... Не поймёшь, то ли зима, то ли осень. Вишь, и в климате у нас более чёткий порядок: уж если зима, так зима, а осень, так осень!

Западный сыроватый климат и жёсткие шоссейные дороги особенно расстраивали Нестерова. Дело в том, что лапы у верблюдов мягкие, их ведь не подкуёшь. Скользят по мокрому асфальту, падают, а потом захромали — подошвы протёрлись до живого мяса. А у Мишки ещё и растяжение связок получилось. Хоть бросай верблюдов на месте. Нестеров смастерил из толстой резины башмаки и обул в них своих тяжеловозов. Пошли опять хорошо: не скользят и подошвы не трутся о камни. Только Мишка от растяжения не мог работать. Нестеров перепряг Разбойника в одноконную повозку.

Отстала немного наша рота от своего полка в районе города Дейч-Кроне.

Вечерело. Наступили сумерки. Наш обоз двигался по лесной дороге. И вдруг застрочили из лесу. Пули — фью-ю, фью-ю... цвик-цвик! Гвардии старший лейтенант Саблин скомандовал: «В ружьё!», а потом: «Цепью в кювет! Ложись! Беглый огонь!»

Схватились мы за свои автоматы — да с повозок долой. Залегли в кювет и смотрим: где же враги? Не видать их. А они спрятались за деревьями и сыплют: видно только, как огонь из автоматов бьёт. По этим огонькам и повели мы ответный огонь. А обоз, конечно, на дороге остался. Лишившись управления, Разбойник шарахнулся с дороги в сторону, в лес, а Мишка, привязанный сзади за повозку, оборвал повод и лёг на дороге. Увидел Нестеров, что Разбойник мчится в лес, прямо в лапы к врагу, да

как крикнет что есть мочи: «Ложись!» Услышал Разбойник повелительный голос своего хозяина и плюхнулся на землю.

Ведут огонь фашисты со всех сторон, а один из их автоматчиков подполз к Нестеровой повозке и потянул за повод Разбойника. Верблюд ни с места, даже голову не поднял с земли. Хотели мы этого фашиста на мушку взять, да опасались в верблюда попасть. А бандит видит, что верблюд не трогается с места, взял и ткнул его автоматом в морду. Не привык Разбойник к такому обращению: поднял голову и харкнул на врага вонючей жвачкой. Залепил ему всё лицо. И смех и грех! Закричал что-то фашист и ещё сильнее ударил Разбойника автоматом. А сам пополз от него. Рассвирепел Разбойник, вскочил с земли и бросился за обидчиком. А тот испугался, вскочил и полоснул очередью в живот верблюду. Взревел Разбойник не своим голосом и присел, но не упал. Двумя прыжками он настиг фашиста, хрупнул его за шею зубами и всем телом рухнул на него...

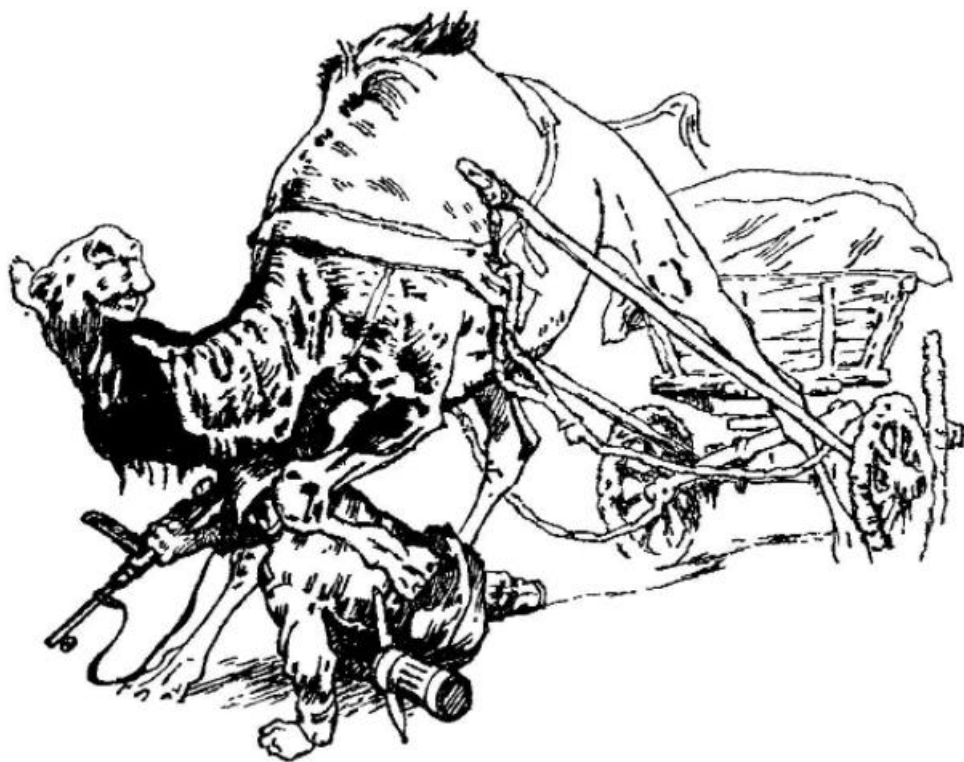
Тут раздалась команда нашего командира роты. Выскочили мы из кювета и с криком «ура» повели на ходу огонь из автоматов. Рассеялись фашисты в лесу, оставив на месте убитых и раненых...

Подошли мы к Разбойнику. Он медленно и тяжело умирал: часто закрывал большие помутневшие глаза и протяжно стонал. Из-под него вытащили мы фашистского налётчика. Он был мёртв. Разбойник переломил ему позвоночник.

Покачал седой головой наш Матвей Иванович и печально сказал:

— Ах ты милый мой Разбойник... Не пришлось тебе дойти с нами до логова звериного... И труды мои пропали...

Жалко и нам было животное, а ещё больше своего друга Нестерова.

Остался от парной упряжки один Мишка, и, после того как он перестал хромать, пришлось спаровать его с трофейным конём, тяжёлым рыжим брабансоном. Сначала верблюды недовольно косились на коня, но потом привык, и тянули они дружно. В первых числах мая сорок пятого года по-

сле падения Берлина наша рота двигалась колонной по длинной Франк-фуртштрассе. Впереди, верхом на красивом коне, ехал гвардии капитан Саблин, а на первой подводе, запряжённой верблюдом и конём, восседал гвардии старшина Нестеров. На груди у него красовались орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги». Расчёсанная, аккуратная борода отливала серебром. На длинной шее его питомца Мишки висела красная лента с пышным бантом.

Глядя на развалины каменных домов, Матвей Иванович сказал:

— Вот оно, логово-то, какое общипанное... На обеденном привале мы кормили голодных немецких детей хлебом, мясным супом и кашей. Накормленные и повеселевшие, они благодарили нас и совали нам в руки открытки берлинских видов. Показывая на снимок канцелярии Гитлера, дети говорили: «Гитлер капут!»

— Вот именно «капут». Ни с чем остались... И до чего довели народ германский, а... — сокрушался Матвей Иванович.

В Берлине, на окраине, мы простояли с полгода. Жили в хороших домах, но все очень тосковали по своей земле и своим хатам.

И Мишка стал что-то хиреть, похудел, холка свалилась набок. Сырой-то климат им вредит.

— Эх, Мишка, друг мой, — сказал Нестеров, — видно, и тебе чужой климат не по нутру! Домой бы нам теперь, в свою степь-матушку. На сладкий молочай и горячее солнышко...

Да, ничего нет милее родных мест!

В конце сорок пятого года Нестерова демобилизовали, и поехал он на родину с Мишкой. Бумагу Нестерову такую выдали, что, дескать, верблюд даётся в подарок от гвардейцев колхозу «Советский труженик».